

**Лозина-Лозинский Алексей
Константинович**

**Благочестивые
путешествия**

Стихи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А47

А47 **Алексей Константинович Л.**
Благочестивые путешествия: Стихи / Лозина-Лозинский Алексей Константи-
нович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 58 с.

ISBN 978-5-519-93771-9

ISBN 978-5-519-93771-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

которое безсвязно, длинно и, кажется, не имѣетъ
никакого отношенія къ книгѣ!

Странно, что я пишу предисловіе къ этой книгѣ стиховъ...
Еще пять минутъ тому назадъ я вовсе не имѣлъ въ виду написать его. И сейчасъ, когда я уже пишу его, я рѣшительно не могу сказать, зачѣмъ оно нужно? И, главное, что я въ немъ скажу? Я пишу его тѣмъ не менѣе, подчиняясь какому-то чувству, властному, какъ приказаніе гипнотизера, и теряющему ясность, когда я пробую оформить, оправдать, объяснить его разумомъ. Я хочу сказать что-то въ защиту поэзіи...

Но знаю-ли я, зачѣмъ я пишу вообще, почему я сталъ заниматься литературой, я, который всегда презиралъ изящную литературу еще больше, чѣмъ журналистику, и считалъ ее необходимой только для того, чтобы у людей при завязкѣ романа съ малознакомой женщиной была прекрасная тема для перваго разговора, тема, которая позволяетъ въ четверть часа показать себя человѣкомъ интеллигентнымъ, остроумнымъ, чуткимъ и изящнымъ! Е2—е4, говорите вы. Е7—е5, отвѣчаетъ она. Ого, думаете вы, она тоже играетъ въ шахматы безъ доски и знаетъ буквы. F2—f4, говорите вы. Ого, думаетъ она, онъ знаетъ королевскій гамбитъ; это теоретикъ. Е5×f4, говоритъ она. Э, да и она знаетъ королевскій гамбитъ. Это теоретикъ тоже!

Зачѣмъ писать? Развѣ это не бессмысленно, не безстыдно, не смѣшно, не нелѣпо—писать? И еще стихи... Нѣтъ, это очевидная бессмыслица.

Но мой любимый порокъ—подробно доказывать очевидное. Я буду доказывать, что писать — жалкій вздоръ. Это вопросъ

заработка или тщеславія и поэты—лгуны, маніаки, дураки, модники, ломачи.

Боже мой, я почему-то занятъ сейчасъ такими отвлеченными идеями! Я думаю, что если вселенная имѣетъ смыслъ и единство, то какіе это огромные смыслъ и единство! Но если въ ней нѣтъ смысла и единства, то какіе это огромные бессмыслица и хаосъ! И если послѣ смерти есть только «ничего», то этотъ змѣвѣднѣйшій іероглифъ — ∞ улыбается такими тонкими и сухими губами! Не все-ли равно—все или ничего? Вѣдь и то и другое равно обязываетъ къ поклоненію! Ну, пусть только къ серьезности. Ну, только къ *безмолвію*.

Я думаю часто о смерти.

Послушайте, вы поднимали съ земли мертвыхъ маленькихъ птицъ? Вы помните безвольное тѣло, умѣщающееся на вашей ладони, полузакрытые глаза, по-дѣтски, удивленно, полураскрытый клювъ, пухъ, равнодушно и тихо шевелящийся подъ вашимъ дыханіемъ, то безмолвіе, которое наступаетъ въ мірѣ, когда вы дѣлаетесь надолго неподвижнымъ съ мертвой птицей на ладони, тотъ блѣдный цвѣтъ, который пріобрѣтаетъ тогда небо... Но, господа, мертвая птица на ладони это та смерть, что наполняетъ насъ любовью къ жизни, задумчивой любовью, подернутой музыкальнымъ скепсисомъ также, какъ мягкій день бываетъ чуть подернутъ умными сумерками... Въ ней есть какой-то оборванный вопросъ, удивленный, чистый, какъ ребенокъ, какъ роса... Есть смерть, которая кажется самымъ граціознымъ явленіемъ міра!

Пусть въ маѣ, что-то напѣвающимъ про себя, на бѣломъ балконѣ надъ синимъ моремъ умираетъ самая прелестная дѣвушка. Ея душа создана, какъ слабость, какъ улыбка, какъ понимание, какъ вечеръ, какъ матовый горный хрусталь. Для нея витали въ небѣ блѣдные и колоссальные призраки архангеловъ; для нея гримасничали смѣшныя китайскіе домашніе лары. Пусть эта дѣвушка знаетъ, что она умираетъ, не получивъ въ жизни ничего, ничего, ничего, даже права обвинять кого-нибудь, что всѣ ея изящныя и тихія мысли, которыя дѣлали ей больно, и чуткіе шорохи души, которые обѣщали такъ много, что все ея безкорыстное вниманіе, и осторожность, и любовь—все это было даромъ, даромъ, даромъ.

Вы были другомъ этой дѣвушки; вы кутали ея газелью ноги въ пледъ и гладили ея трогательныя, прозрачныя, исхудавшія руки; вы читали ей газеты, рассказы, статьи, вздоръ; вы шутили съ ней; вы грустили съ ней; она умерла.

Да, до сихъ поръ это все еще маленькая мертвая птица на вашей ладони! Но, сдѣлайте милость, посмотрите на покойницу въ гробу, когда ее обрядятъ, какъ невѣсту, въ бѣлое, чтобъ отвезти червямъ! Она лежитъ чужая, не та, совсѣмъ другая, каменная, отъ которой нельзя добиться ничего... чужая, чужая! Вы никогда не знали этой! Это не она, вотъ въ чемъ ужасное. И, знаете, если ей не подвязать подбородка, не закрыть глазъ, она оскалитъ зубы, уставится стеклиннымъ взоромъ и будетъ походить на вампира. И она пахнетъ на третій день самымъ отвратительнымъ и самымъ тонкимъ въ мірѣ запахомъ, остающимся на платѣ, на воспоминаніи, на міровоззрѣніи...

Нѣтъ, смерть не должна быть граціозной. Если покойница безобразна, то это... да, я нашелъ слово! Это — правильно. Не подвязывайте челюсти, не закрывайте глазъ прекраснымъ дѣвущкамъ, что умерли въ маѣ, что-то напѣвавшимъ про себя. Пусть ирраціональное поразитъ васъ, иначе вы будете думать, что ирраціональное — милая штучка! Вѣдь люди такъ тупы, когда дѣло касается невидимаго. Посмотрите хотя-бы на трезвыхъ людей, на жизнерадостныхъ адвокатовъ, на благородныхъ общественныхъ дѣателей! Презирайте трезвыхъ людей. Любите только портовъ, но портовъ безмолвныхъ!

Ахъ, да, я пишу предисловіе къ моей книгѣ стиховъ... я пишу предисловіе... Ну, да, я и хотѣлъ сказать, что писать вовсе не стоитъ. На кой чортъ писать? Для людей? Для славы? Для идеаловъ? Нѣтъ, вы не великій человѣкъ, если вы думаете такъ. Вы малы, какъ Гете, какъ Наполеонъ, какъ Цигеронъ. Великій человѣкъ не утомляется своимъ разговоромъ человѣчество и любить неизвѣстность.

Но я все-таки написалъ не то, что я хотѣлъ... Неужели же я хотѣлъ сказать только то, что все вздоръ передъ смертью и вѣчностью? Въ этомъ мало новаго... Къ тому же я самъ, какъ всѣ серьезные люди, влюбленъ въ жизнь самымъ легкомысленнымъ образомъ.

Но я думалъ о смерти... о маленькихъ птицахъ на моей ладони... Почему?

Я исправлялъ корректурный оттискъ стиховъ, присланный изъ типографіи. Я люблю держать корректуру, когда дѣло идетъ о моихъ собственныхъ произведеніяхъ; это милое занятіе... Я люблю хорошій банальный вечеръ и банальную зеленую лампу (сейчасъ вечеръ и горитъ зеленая лампа). Почему же я говорилъ о птицахъ на моей ладони?

Господа, вы никогда не замѣчали, что тѣ знаки, которыми мы изображаемъ наши мысли на бумагѣ, смѣшныя, причудливыя зигзаги, что строка это чертовски извращенная лента? Буква—это декадансъ. Переверните письмо верхомъ внизъ и пристально глядите на него, какъ неграмотный (есть мудрость въ томъ, чтобы на мгновеніе стать бушмѣномъ!)—черезъ пять минутъ вы получите оригинальное и забавное впечатлѣніе: мы, люди, заплетаемъ такія фантастическія каракули! Перестаньте быть бушмѣномъ, однако. Вспомните, что знаки обозначаютъ слова, что слово есть звукъ, а звукъ это элементъ мелодіи. И не забудьте о смыслѣ словъ—а вѣдь настоящій смыслъ это уже непременно мелодія!

И... и... нѣтъ, эта мысль нелѣпа! Но она была у меня, тѣмъ не менѣе. Именно она-то, кажется, и была съ самаго начала, когда я исправлялъ корректуру. И она такова: какая-то злая волшебница превращаетъ волненія и исканія поэта, его нѣжность, на которую онъ такъ злится, его злость, къ которой онъ питаетъ такую нѣжность, въ карнавалъ уродливыхъ и чепушистыхъ карликовъ, въ черную, безконечную процессію витѣватыхъ червячковъ, собравшихся на похороны чьего-то сердца! Что за чудовищная метаморфоза, надъ которой я самъ захохочу до упаду! Какая смѣхотворная вещь—одно и то-же, состоящее нынѣ изъ черныхъ и хитрыхъ закорючекъ, а нѣкогда изъ слезъ, улыбокъ, біеній въ груди и времени!

Пожалуй, я солгалъ, я вовсе не захохочу. Я даже думаю о маленькихъ мертвыхъ птицахъ на моей ладони.

Но бушмѣны, навѣрное, никакъ не почувютъ въ процессіи завитушекъ—слезъ, улыбокъ, біеній въ груди и времени!

Но не все-ли равно? Что тебѣ до бушмѣновъ и трезвыхъ людей? Не говори съ бушмѣнами! Вѣдь ты самъ любишь безмолвныхъ поэтовъ.

Ахъ, да, я писалъ предисловіе къ книгѣ моихъ стиховъ... Пора-же, наконецъ, перестать болтать и приняться за него серьезно!

Вотъ что, господа. Надо пускать по вѣтру старыя бумажки. Вѣдь и вы (и вы) держите ихъ въ письменномъ столѣ. Какъ онѣ туда попали? Нечайно, конечно. Вы воровали яблоки съ дерева познанія добра и зла, и кушали ихъ, и бросали внизъ кожиду, а та добрая волшебница, что по глупости навредила вамъ больше всего въ жизни, превращала ее въ старыя бумажки: въ мучительныя письма, все еще пахнушія духами, въ

дневники, пахнушіе юностью, въ философскія статьи, пахнушія табакомъ и разсвѣтомъ, въ стихи, овѣянные печалью...

Пускайте по вѣтру старыя бумажки!

Храня ихъ, такихъ незначительныхъ для всѣхъ другихъ, вы для себя готовите дозу яда, которую вы не вынесете когда-нибудь ночью: настоянныя на времени, старыя бумажки приобретаютъ вѣстѣ съ желтизной—смертоносность. Безполезно сжигать старыя бумажки—вы будете ихъ помнить все равно, вы будете грустить о нихъ, потому что ихъ нѣтъ, какъ вы будете грустить о нихъ, потому что онѣ есть.

Но... превратите ихъ милыя рукописныя буквы, которыя каждой извилиной говорятъ о вашихъ настроеніяхъ и волненіяхъ, о нашемъ прошломъ, превратите ихъ скорѣй въ процессію черныхъ червячковъ!

Это трудно?

Дайте отпечатать рукопись въ типографіи — типографія сумѣетъ это сдѣлать.

Да, снесите ее въ типографію, любовно погладьте обложку новой книги, написанной вами, продайте ее издателю, книгопродавцу, пошлите авторскіе экземпляры знакомымъ... Ваша книга будетъ выставлена въ витринѣ, гдѣ у нея будетъ много и даже слишкомъ много сосѣдей (какъ-бы они не затерли ее вовсе, эти проклятые сосѣди!) У вашей книги будетъ бѣлое, какъ саванъ, лицо; она будетъ лежать чужой и холодной; ее будутъ трогать чужія и холодныя руки; потомъ ее начнутъ грызть критики, потомъ ее сгрызутъ мыши...

Но вѣдь она уже чужая вамъ! Это не она, не она, не та, которую вы любили...

Но, послушайте, одѣньте покойницу въ бѣлое, какъ не вѣсту, подвяжите покойницѣ подбородокъ, закройте ей глаза, окружите ее цвѣтами—смерть дѣвушекъ должна походить на граціозную смерть маленькихъ птицъ...

АВТОРЪ.

Цвѣты руинъ.

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
А равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

ПРОЛОГЪ.

Auf die Berge will ich steigen!

H. Heine.

Года тяжелы и безшумны,
Я холоденъ сталъ и жестокъ...
Всѣ люди на свѣтѣ безумны,
Безумны и чернь, и пророкъ.

Ни веселья, ни золь, ни печалень,
Уйду я, съ мѣшкомъ на плечахъ,
Въ страну монастырскихъ развалинъ,
Застывшихъ на горныхъ кряжахъ,

Построенныхъ такъ, чтобы ближе
Къ нимъ были Господь и просторъ,
Ничтожно—лежащее ниже,
Понятенъ долины узоръ...

И мысли тамъ будутъ, въ капеллахъ,
Вѣнчающихъ каменный шпигъ,
Какъ взмахи медлительныхъ, бѣлыхъ,
Въ лазурь улетающихъ птицъ...

NAPOLI.

Узенькія улицы выводятъ
Къ гулкой набережной, полной грезъ;
Какъ молчалиникъ, синій вечеръ бродить
И все рѣже шумъ колесъ.
Донна черноглазая подходитъ
Съ цѣлою корзиной розъ.

Море въ синемъ, будничномъ хитонѣ,
Какъ красавица, которой все равно...
Медленно влекутъ коляску кони,
Въ ней двѣ иностранки въ кимоно.
На панели въ карты рѣжутся давно
Нѣсколько крикливыхъ лаццарони.

Моря потухающія краски
Все еще полны спокойной ласки...
Что ты морю скажешь, ты, *pêlemêle*,
Ты, чудакъ, столѣтій иммортель,
Горбоносый, въ черной полумаскѣ,
Неаполитанецъ Пульчинелль?

Р О М Р Е І.

Меня разволновали лица
Подъ лавой умершихъ людей.
Какая вырвана страница
Изъ чуждыхъ душъ, изъ давнихъ дней!

Правдиво, холодно и смѣло
Сваялъ изъ лавы скульпторъ-гробъ
Патриціанки стройной тѣло,
Раба бездумно-низкій лобъ...

Упавъ на каменное ложе,
Я постигалъ ихъ въ тишинѣ
И ужасъ ихъ моимъ былъ тоже,
И души ихъ—понятны мнѣ!

CASTELLAMARE.

Кастелламаре внизъ сбѣгаетъ съ высоты.
Здѣсь рыбныя, огромнѣйшія ловли,
Отели, фабрики, фруктовые сады...
Пристанище туристовъ и торговли.

Но море вылитое изъ синяго стекла;
Отчетливы изломы горныхъ линій,
И облака, и шапки стройныхъ пивнй.
Здѣсь Стабія была.
Здѣсь умеръ Старшій Плиній.

CAPRI.

1.

Капри подымается, какъ крѣпость,
Черными отвѣсами изъ водъ.
Какъ хочу я замолчать на годъ
И забыть, что жизнь моя нелѣпость,
Сотканная изъ пустыхъ заботъ!

Быть простымъ и чутко-осторожнымъ,
Изучать отгѣнки вечеровъ,
Полюбить веселье кабачковъ,
И процессіямъ религіознымъ
Слѣдовать средь глупыхъ рыбаковъ...

2.

Cantan le tenere sirene amabili
Grazie del mar...

О, виноградъ, цвѣты и пышность Феба!
Прекрасно жить во имя красокъ дня!
Вѣдь каждый день меня встрѣчаетъ небо,
Какъ женщина, влюбленная въ меня!

И, чуть проснись, какъ тихая гитара
O bello Napoli уже поетъ...
Сегодня я со старикомъ Спадаро
Поѣду въ синій и волшебный гротъ.

3.

Чертоза дряхлая (восьмое чудо свѣта)
Совсѣмъ заброшена. Въ ней солиде, сонъ и соръ...
Какой бассейнъ, бассейнъ для солнечнаго свѣта
Огромный монастырскій дворъ!

И ровно-медленно (какъ въ музыкѣ andante)
Я шелъ и ждалъ—среди мраморныхъ колоннъ
Покажется монахъ, высокій капюшонъ,
Лицо Савонароллы или Данте.

И было сладко мнѣ, что вѣчный мой вопросъ—
Какъ жить—былъ далеко, за монастырской дверью...
И спряталъ я лицо въ букетъ душистыхъ розъ,
А душу погрузилъ въ душистыя повѣрья.

4.

Puri sermonis amator...
C. J. Caesar. Versus.

Сегодня видѣлъ я во дворикѣ чужомъ
Сѣдого падрэ и старуху.
Она, изсохшая, съ коричневымъ лицомъ,
Таинственно къ его склонившись уху,

Губами тонкими, ужасно торопясь,
Шептала что-то... Падрэ рядомъ
Стоялъ и слушалъ рѣчь, порой слегка смѣясь...
Тяжелъ и толстъ, но съ очень острымъ взглядомъ.